

К-14038

311954

ПЗ11954

 ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

290'86

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

«ВИЩА ШКОЛА»

1 р. 30 к.

Вестн. Харьк. ун-та. Лингв. и дидактич. аспекты исслед. герм. и ром. яз.
1986. 1 — 128.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 290

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

19

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1986

В статьях вестника рассматриваются актуальные проблемы функциональной грамматики современных английского, французского и немецкого языков, некоторые вопросы лексикологии, социолингвистики, контрастивно-типологического изучения языков, а также проблемы обучения иностранному языку.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. Ф. Ещенко (отв. ред.), А. С. Калининенко (зам. отв. ред.), Н. Я. Шураева (отв. секр.), Н. Н. Аниотина, Л. Н. Черноватый, В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, С. Т. Навальная

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел 45-75-04

Редакция научно-технической литературы
Зав. редакцией *Л. А. Гаврилова*

Издано по заказу Харьковского государственного университета

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА № 290

Лингвистические и дидактические аспекты исследования германских и романских языков

Редактор *Л. Н. Авраменко*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *В. Л. Светличная*

Н/К

Сдано в набор 20.01.86. Подп. в печать 29.08.86. БЦ 08732. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. Усл. печ. л. 8. Усл. кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Изд. № 1398. Зак. 6-192. Цена 1 р. 30 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете

издательского объединения «Вища школа»
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц книжной фабрики им. М. В. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16, 310003, г. Харьков, ул. Университетская, 16. Зак. 1503.

В 4601000000-081
M226(04)-86

© Харьковский государственный университет, 1986

К-14038
БИБЛИОТЕКА ХДУ
№ 311954

ПРОБЛЕМЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В. И. АДАМСКИЙ

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ФРГ

Рассмотрим на материале тактической терминологии один из аспектов процесса проникновения англо-американизмов в военную терминосистему ФРГ. В данном случае имеется в виду функционирование механизма заимствования, под которым понимается процесс включения иноязычных элементов в систему языка-рецептора, и связанные с ним закономерности «вписывания» иноязычного термина в принимающую терминосистему [4].

Анализ механизма заимствования предполагает учет взаимодействия соответствующего набора экстра- и интралингвистических факторов, стимулирующих (тормозящих) его работу в двух временных измерениях: синхронии и диахронии. Функционирование этого механизма обуславливает наличие устных и письменных каналов заимствования, по которым проникают англо-американизмы в язык-рецептор. Среди письменных каналов ведущее место занимает военная периодика, боевые уставы, наставления, инструкции, лицензии на производство и поставку из США боевой техники и вооружения. Основная нагрузка приходится на письменные каналы, проводящие значительную часть иноязычных терминов. Однако невозможно согласиться с точкой зрения отдельных исследователей, что устное терминологическое заимствование в настоящее время — явление редкое [3], поскольку военное дело предполагает использование устной формы языка. Английский язык постоянно сопровождает военнослужащих бундесвера в военных учебных заведениях США; в учебных центрах Канады, на совместных учениях, маневрах в рамках НАТО и т. п.

Выполняя совместные боевые задачи с военнослужащими США, Великобритании и Канады, немцы из ФРГ впервые узнают новые понятия на английском языке, а также термины (не профессионализмы или жаргонизмы), которые в иноязычной форме для них более естественны, чем редко используемые в речи эквиваленты на их родном языке. На начальном этапе такой эквивалент может быть вообще не создан. Возникает такой парадокс: для устной речи характерно употребление иноязычных слов, а для письменной — их немецкие соответствия [2].

Интенсивность функционирования каналов заимствования зависит в первую очередь от экстралингвистических причин. Именно они вызывают актуализацию соответствующего понятия (явления) в военном деле, способствуют повышению частоты употребления иноязычного термина (терминологического словосочетания) в речи,

обуславливают расширение круга носителей новой терминологии. В результате американизмы закрепляются в речевом сознании говорящего и превращаются в штампы [5]. Таким образом, при использовании устных каналов новые элементы проникают вначале в сферу устного общения, а затем переходят в письменную форму заимствующего языка.

Переход иноязычного термина в автохтонную терминосистему — процесс многоступенчатый, который никогда не остается безрезультатным, а постоянно влияет соответствующим образом на новую языковую структуру [6]. Схематически это можно представить следующим образом:

I этап — иноязычный термин встречается только за пределами своей (автохтонной) терминосистемы;

II этап — иноязычный термин начинает распространяться и в своей терминосистеме (первоначально в устной форме военного языка);

III этап — иноязычный термин употребляется в устной и письменной формах военного языка наряду со своим термином, имеющим то же значение, т. е. устанавливается равновесие в употреблении и оба явления сосуществуют на равных правах;

IV этап — иноязычный термин закрепляется в письменной и устной формах военного языка, а собственный термин со сходным значением в устной речи уже не употребляется, сохраняясь только в письменной;

V этап — иноязычный термин становится номенклатурным явлением, собственный термин выходит за пределы номенклатурной военной терминологии, т. е. становится излишним, необязательным, ненормативным.

Однако не всегда вытеснение «своего» термина иноязычным идет таким путем. Возможно, например, сосуществование и двух терминов, если возникает их смысловая (стилевая) дифференциация. Вовлечение иноязычного термина в автохтонную терминосистему с использованием только устных каналов заимствования — процесс более продолжительный по сравнению с использованием только устных и письменных каналов, по которым одновременно проникают одни и те же англо-американизмы в военную терминосистему ФРГ, процесс вхождения намного ускоряется и облегчается.

Легкость проникновения англо-американских военных терминов в немецкую военную терминосистему объясняется помимо факторов экстралингвистического характера также и близким родством этих двух языков. Степень проницаемости терминосистемы по отношению к иноязычным инфильтрантам зависит от интралингвистических причин. Прежде всего речь идет о тенденции к использованию иноязычного термина вместо «своего», обладающего большей линейной протяженностью (вместо unbemannter Aufklärungs—Flugkörper—Drohne); о стремлении заменить автохтонный термин иноязычным, материальная форма которого не вызывает

нежелательных ассоциаций, способных «затемнить» значение термина (вместо Handstreichaktion—Сoup); об увеличении возможности образования производных, используя иноязычный компонент, а также о стремлении к повышению коммуникативной четкости терминов, которое выражается устранением полисемии (омонимии) в языке-рецепторе и т. п. Поскольку подавляющее большинство заимствуемых терминов создано на основе греческого и латинского языков, данное обстоятельство способствует их распространению как интернационализмов: assign-assignieren; contamination—Kontamination; escalation—Eskalation; integrate-integrieren. Представленная в формализованных боевых документах НАТО американская тактическая терминология, закрепляясь в немецкой терминосистеме, обуславливает возникновение синонимов и терминологических дублетов:

assault line — Angriffslinie

attack objective — Angriffsobjekt

initially — bei dem Nehmen des Zwischensieles (in der 1. Etappe des Angriffs)

logistics — Logistik

mission — Kampfaufgabe

nuclear safety line — Atomsicherheitslinie.

Англо-американизмы, проникая в немецкую терминосистему, активизируются в употреблении не только благодаря массовому двуязычию, но и «индивидуальное культурное двуязычие может явиться каналом языковых контактов. Именно посредством двуязычия второго типа и через переводы влияют сейчас друг на друга большие языки современной цивилизации» [1, с. 35—36]. Обращает на себя внимание высокая проникающая способность сокращений американского происхождения, характерных для употребления в вооруженных силах стран-участниц НАТО. Вторгаясь в систему немецкого языка и выступая в качестве компонентов многозвенных терминов, наряду с автохтонными компонентами, они проявляют высокую словообразовательную активность: ABC—Abwehr; Atch — Einheiten; SAC — Flieger; Spt — Verbände; TOT — Lage. Вместе с употреблением в качестве компонентов сокращений приобретают права гражданства и развернутые варианты препозитивных (позитивных) компонентов:

Close-Air Support-Einsatz — боевое использование в условиях непосредственной авиационной поддержки

Divisions-Covering Force — силы прикрытия дивизии

Kleindrohne Anti Radar — малогабаритный противорадиолокационный беспилотный самолет-разведчик

Self-Protection-Waffe — оружие самообороны.

Касаясь функциональной стороны терминов-дублетов, можно заключить, что они используются дифференцированно. Анализ боевых документов бундесвера подтверждает факт использования автохтонной терминологии преимущественно в низшем и среднем командных звеньях, а англо-американизмов в высшем командном

звене, которое чаще связано с организацией взаимодействия и управления войсками в интегрированных штабах, что типично для первого этапа ассимиляции иноязычной терминологии в условиях новой терминосистемы.

Таким образом, процесс заимствования является результатом взаимодействия двух терминологических систем, находящихся в постоянном контакте; эффективность работы механизма заимствования зависит от наличия комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, регулирующих (катализирующих или тормозящих) процесс актуализации, вхождения и закрепления заимствуемых иноязычных терминов; немецкая военная терминосистема показывает высокую степень проницаемости для заимствования англо-американских терминов в их материальной форме (из-за генетической близости контактирующих языков); благодаря специфике военного дела, выражающейся в активном устном использовании автохтонной и заимствованной терминологии, а также благодаря билингвизму (массовому и индивидуальному) роль устных каналов заимствования возрастает; в результате стилевой и функциональной дифференциации «своей» и заимствованной терминологии в пределах немецкой военной терминосистемы наблюдается так называемое терминологическое равновесие, т. е. сосуществование дублетов; англо-американские военные термины, пополняя немецкую терминологию, используются словообразовательной системой немецкого языка в качестве компонентов композиционных образований, что свидетельствует об активности процесса ассимиляции.

Список литературы: 1. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования.— В кн.: Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Х., 1980, с. 10—42. 2. Берков В. П. Обозначение новых понятий в современном исландском языке.— В кн.: Скандинавская филология. Scandinavica (Учен. записки Ленингр. ун-та), 1961, № 308, с. 74—75. 3. Коробова М. С. Немецкие заимствования в английском языке.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 4. Пядусова Г. И. Заимствование как процесс взаимодействия двух языковых систем.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 5. Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., 1976. 6. Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти: Проблеми інтерлінгвістики. К., 1966.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

А. Л. БЕЛОГУБ

**РАЗВИТИЕ ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТИ
У ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ
(на материале немецкой станкостроительной
терминологии)**

Немецкая станкостроительная терминология, как наиболее старый пласт производственно-технической лексики, более чем на одну треть (по данным выборок) состоит из элементов иноязычного происхождения. В смысловом содержании термина преломляются

бесконечные изменения в развитии производительных сил и материальной культуры страны, научной теории и всей системы познания. Поэтому необходимость изучения смысловой характеристики термина, в том числе и иноязычного, в немецком научно-техническом подъязыке очевидна. В применении к терминологии семантические процессы раскрыты еще недостаточно, несмотря на то, что вопросу о смысловой нагрузке слов в системе языка посвящено большое количество работ. Кроме того, в лингвистической литературе существует разногласия по вопросу: присущи ли семантические изменения заимствованным терминам.

Попытаемся показать развитие многозначности у некоторых иноязычных терминов в одной из отраслевых подсистем немецкого языка. Полисемантность, являясь одним из средств экономии языкового материала при терминации новых технических реалий и научных понятий, развивается не только на уровне всей терминосистемы, но даже на уровне отраслевой, хотя это и противоречит требованиям, предъявляемым к термину. Например, заимствованная из латыни лексема «Kette» служит в течение многих веков как обиходное слово. Развитие текстильного производства способствовало миграции этого слова в коммуникацию ткачей, а становление машиностроения уже в XVI—XVIII вв. сыграло большую роль в появлении у него терминологического значения «цепь». В течение XIX в. термин «Kette» сосуществует с заимствованным из французского языка словом «chaîne», которое Кампе предложил заменить в зависимости от контекста словами «Kette» или «Fessel». В XX в. слово «chaîne» в американском варианте вторично проникает в немецкий язык, но в специальную лексику ядерной физики (например, chain reaktion замещается калькой Kettenreaktion).

В связи с появлением в станкостроении станочных линий старый термин «Kette» приобретает в процессе переосмысления новое значение, сделавшее его полисемантической лексической единицей даже в рамках одной терминосистемы. Однако лексико-семантический вариант «цепь», как средство передачи усилий, является основным, а микроструктура «станочная линия», возникающая на основе старой путем ее переосмысления, — производной. Семантическое развитие термина «Kette», мигрировавшего в немецкий технический подъязык из общеупотребительной лексики, иллюстрирует типичный путь развития многих представителей отраслевой подсистемы. На базе старого значения в результате образного переосмысления (например, цепь — станочная линия) возникает новое терминологическое значение, позволяющее отказаться от введения технического неологизма.

Лингвистическая история этого слова складывается из двух этапов: на первом происходит миграция слова из одного языка в другой; на втором этапе, характеризующем семантическое освоение слова в лексико-семантической системе немецкого языка, одно значение не заменяет другое, а сосуществует с ним, что способствует развитию у него полисемантности. В результате он пре-

вращается в новый словообразовательный центр и служит источником возникновения технических неологизмов.

Применение ЭВМ для управления станками, способствующее интеграции терминологии вычислительной техники и металлообработки, делает лексему «Karte» часто встречающимся станкостроительным термином. Семантическое его развитие начинается с конца средневерхненемецкого периода после миграции в лексико-семантическую систему немецкого языка через французский из латыни. В XVIII в. это общеупотребительное слово функционирует с несколько обобщенным значением «карта». К XIX в. относится его миграция в терминосистему текстильного производства, а в XX в. оно мигрирует в специальную лексику вычислительной техники со значением «перфокарта». На расширение смыслового содержания немецкого слова Karte большое влияние оказывает полисемантность английского термина «card». Если сравнить даже два издания одного и того же словаря с промежутком в восемь лет [1, 2], то можно заметить, как за такой относительно небольшой временной интервал изменяется смысловое содержание термина в сторону увеличения полисемантности за счет новой микроструктуры «перфокарта». Аналогичное явление можно наблюдать и в немецком языке. Из термина автоматки, вычислительной техники и измерительной техники «Karte» превращается и в станкостроительный термин. Если представить себе весь путь миграции этого слова, то он будет выглядеть следующим образом, причем каждый новый этап в передвижении в новые лексико-семантические условия сопровождается и его переосмыслением: *греч.* →

итал.
→ *лат.* → *франц.* → *немецк.* → *обиходное слово* → *текстильное производство* → *вычислительная техника* → *станкостроение*. Развитие техники обуславливает увеличение количества информации, передаваемое этим, как и многими другими полисемантическими терминами.

Потребность в номинации нового изобретения является причиной расширения семантического объема у термина «Akkumulator», функционировавшего в XIX в. в технической литературе со значением «снаряд для подвоза грузов». С этим же значением термин фиксируется с пометой «железнодорожный» некоторыми словарями даже в начале XX в., напр.: Akkumulator — железнодорожный гидравлический двигатель, который с помощью паровой машины и нагнетательных насосов употребляется для подъема грузов [3, с. 19]. В данном случае речь идет, очевидно, о созданном Армстронгом в 1846 г. гидравлическом аккумуляторе, служащем для привода в действие гидравлических прессов.

На основе анализа развития аккумуляторов Э. Хоппе [4, с. 145] пришел к выводу, что термин «Akkumulator» появился в середине XVIII в. для обозначения одного из электрических приборов. В это время были лишь заложены научные основы, опираясь на которые, техники впоследствии изобрели аппараты, аккумулирую-

щие энергию. Однако потребовалось почти целое столетие, чтобы от теоретических принципов аккумуляции электричества перейти к созданию аккумуляторов. Первые попытки изобрести новую конструкцию такого прибора относятся к 50-м годам XIX в. Сконструировав в 1868 г. небольшой высоковольтный аккумулятор, Г. Планте назвал его *Condensator*. В 1879 г. он выпустил монографию, в которой наряду с конструкцией и сущностью аккумулятора описал и сферы его применения. Первые патенты на электрический аккумулятор появились в 1881 г., так как сам изобретатель не взял патента на свое изобретение. Однако практическое применение аккумуляторов началось лишь в 1890 г. В конце XIX в. в Германии приступили к регулярному выпуску аккумуляторов, и с этого времени термин «*Akkumulator*» приобретает широкую известность среди специалистов. Кроме того, во второй половине XIX в. для номинации этого прибора имелась целая синонимическая микросистема, структурные элементы которой большей частью совмещали в своем смысловом содержании лексико-семантические варианты «аккумулятор» и «конденсатор», напр.: *Sammelapparat* — коллектор, аккумулятор, конденсатор; *Ansammlungsapparat* — аккумулялирующий аппарат, конденсатор; *Ansammler* — аккумулятор, конденсатор; *Aufspeicherer* — аккумулятор и др.

В конце прошлого века Э. Хоппе в работе об электрических аккумуляторах [5, с. 99] употреблял термин «*der Accumulator*», в то время как известный немецкий ученый М. Рюльман при описании достижений в этой области пользовался словосочетанием «*der elektrische Sammler*» [6, с. 415], что свидетельствует о параллельном функционировании исконного и заимствованного терминов (например, сборщика сырья для бумажных фабрик в XVIII в. называли *Sammler*, а в XIX в. это слово начали употреблять в переносном значении и в новом для него контексте, как *nomina instrumenti*).

Совмещение значений «конденсатор» и «аккумулятор» в смысловой структуре некоторых терминов порождает противоположную тенденцию к ее разгрузке. Это приводит к тому, что значения «аккумулятор» и «конденсатор» в начале XX в. закрепляются за разными терминологическими единицами. В значении же «аккумулятор» употребляется до сих пор следующий синонимический ряд: *Akkumulator* — *Sammler* — *Aufspeicher*.

Замена паровой машины электродвигателем в качестве приводного механизма станка способствовала миграции в начале XX в. в специальную лексику металлообработки и термина «*Akkumulator*». Развитие автоматки способствует миграции этого же термина из специальной лексики электротехники в терминосистему автоматки, где он функционирует со значением «накопитель», «сумматор накапливающего типа». Современная интеграция смежных наук обуславливает характер взаимодействия терминологии из разных подсистем. Например, под воздействием НТР специальная лексика из области электроавтоматики, вычислительной техники,

гидротехники все больше проникнет в терминосистему металлообработки, усиливая при этом гетерогенный характер всей терминологии станкостроения и способствуя формированию многозначности той терминологической единицы, которая прежде в отраслевой подсистеме была моносемантической.

Итак, семантическое развитие исследуемого термина «Аkkumulatоr» идет по пути расширения его смыслового состава, увеличения полисемантической как на уровне всей терминосистемы немецкого языка, так и на уровне отраслевой подсистемы, обусловливаемого процессом специальной лексики из разных подсистем. Рост многозначности иноязычного термина в немецком языке подтверждает тот факт, что для многих из них стабильность смысловой структуры не свойственна, а технический термин с его фиксированным понятием не превращается в так называемую «лексическую константу», а постоянно развивается по семантическим законам языка-рецептора.

Список литературы: 1. *Кречетников С. И.* Англо-русский словарь по машиностроению и металлообработке. 2-е изд. М., 1961. 2. *Его же.* Англо-русский словарь по машиностроению и металлообработке. 3-е изд. М., 1969. 3. *Миллер И. И., Модрах К. А.* Немецко-русский технический словарь. Спб., 1901. 4. *Норре Ed.* Die geschichtliche Entwicklung des Akkumulators.— In: Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie. В., 1909, N 1. 5. *Его же.* Die Akkumulatoren für Elektrizität. В., 1888. 6. *Rühlmann M.* Fortschritte auf dem Gebiete der elektrischen Sammler.— In: Zeitschrift des Vereins deutscher Ingenieure, 1889, Bd. 33, N 18.

Поступила в редколлегию 30.08.84.

Б. М. ГРИНЬ

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Проблемами диалога исследователи активно занимаются в русле коммуникативно-деятельностной концепции языка [3], методологическую основу которой составляет понимание речевой коммуникации как одного из важнейших видов человеческой деятельности в свете марксистско-ленинского учения о языке как средстве социального общения. Так, Н. И. Теплицкая справедливо отмечает, что «диалог как форма речевого общения выдвинулся в качестве естественного объекта исследования, достаточно ярко демонстрирующего язык в действии» [21, с. 62]. Анализ литературы свидетельствует, что в настоящее время имеется большое количество проблем, по которым сохраняются разногласия. Примечательно также и то, что различны и подходы к изучению диалогической речи. Т. П. Третьякова, например, указывает на формально-синтаксический, функционально-синтаксический и коммуникативно-синтаксический подходы [22, с. 114]. Т. М. Власова выделяет формально-структурный, семантический, функциональный, логико-семантический, психолингвистический, социолингвистический, литературно-

стилистический, функционально-семантический подходы к изучению диалога [5, с. 7]. К проблемам диалога относятся также выделение единиц диалогического текста и их таксономия. В качестве коммуникативной единицы нижнего уровня диалога большинство лингвистов признает высказывание. Что же касается единиц промежуточного уровня, находящегося между уровнем высказывания и уровнем диалогического текста, то в этом вопросе среди ученых нет единства мнений.

Наиболее распространенной точкой зрения является признание в качестве такой единицы «диалогическое единство» (ДЕ). Термин введен в употребление Н. Ю. Шведовой. Автор понимает под «ДЕ обмен двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, «порождено» им и в своей языковой форме непосредственно отражает эту зависимость» [25, с. 281]. Можно также встретить сходные термины, обозначающие структуры диалогической речи, состоящие из двух и более реплик-высказываний и отвечающие всем признакам сверхфразового единства (СФЕ). Например, «вопросно-ответное единство» [14], «диалогическое целое» [7, 15], «тематический блок» [20], «диалогическое синтаксическое единство» [4]. Как правило, под ДЕ понимается связная структура, состоящая из двух—четырех реплик. В большинстве специальных исследований акцентируется внимание на изучение реплик, входящих в состав ДЕ, и их взаимосвязи [1, 5, 15], а также некоторые другие частные вопросы, напр.: просодии и интонации ДЕ [18, 23]; косвенное высказывание и его функционирование в ДЕ [26].

Среди работ, посвященных изучению ДЕ, необходимо отметить исследование И. П. Святогора [19]. Изучая синтаксическое строение диалога на материале современного русского языка, автор выделяет ДЕ как единое языковое целое, особое коммуникативное и структурно-грамматическое объединение реплик. К ДЕ И. П. Святогор относит «не только сочетание двух, но и большего количества реплик, с повтором и без повтора, вопросно-ответные формы и взаимосвязанные реплики диалога». Важное место в ДЕ автор отводит первой реплике, являющейся исходной для ДЕ, а также отмечает ее автосемантическую, т. е. «последующие реплики ориентируются на ее словесный и грамматический состав, дублируют те или иные ее особенности» [19, с. 9]. И. П. Святогор подчеркивает тот факт, что исходная реплика обуславливает дальнейшее развитие диалога в структурном отношении и что последующие реплики синтаксически зависят от предшествующих и первой реплики [19, с. 24].

В работах по данной проблеме авторы чаще ограничиваются исследованием какого-либо одного типа ДЕ, выделяемого на основании различных критериев, что, однако, не позволяет вывести общие закономерности построения единиц диалога. Так, Л. С. Маркина описывает лишь ДЕ-4, состоящие из двух вопросных и двух ответных реплик, т. е. ограничивается структурным критерием [12]. В. Д. Максимов исследует семантические закономерности построения ДЕ отрицательно-побудительного типа (ОПДЕ), вза-

имодействие категорий побуждения и отрицания в составе данного типа ДЕ, выделяя ряд семантико-грамматических и формально-грамматических признаков ОПДЕ [11].

Некоторые лингвисты выделяют определенные типы ДЕ на основании различных признаков. Например, Л. А. Леонова указывает на семантические, анафорические, структурные ДЕ в зависимости от соответствующего типа связи [10, с. 73]. Г. А. Пенькова, рассматривая сверхфразовые диалогические единства (СДЕ), которые выделяются на основе тематического, грамматического и лексического планов, определяет тип СДЕ в зависимости от коммуникативного типа первой реплики [16, с. 71].

Для исследований, выполненных в русле коммуникативно-прагматических направлений в изучении языковых явлений, характерен функционально-коммуникативный подход к языку как речевой деятельности. Так, О. И. Москальская считает, что членение диалога на ДЕ предполагает «одновременный учет показателей семантической (тематической), коммуникативной и структурной целостности» [14, с. 50]. Согласно концепции О. И. Москальской ДЕ характеризуется синсемантической, тесным взаимодействием реплик при формировании и актуализации тема-рематического отношения (коммуникативного ядра), интонационной целостностью, эллиптическими повторами. Говоря о критериях членения диалога на отдельные ДЕ, автор полагает, что при подобном членении необходимо учитывать смену микротем в диалоге, коммуникативное развертывание текста, в частности нарушение преемственности тема-рематического развертывания, а также структурные моменты. Среди последних наиболее характерными для ДЕ являются прекращение эллиптических повторов в конце ДЕ и начало нового ДЕ с полной формы предложения, нарушение рекуррентности слов, связанных с соответствующей темой, и нарушение непрерывности цепочки прономиниализаций [14, с. 49]. Рассматривая делимитацию текста со смешанными видами речи, О. И. Москальская включает в понятие ДЕ авторскую речь, вводящую и сопровождающую реплики диалога [14, с. 50].

Анализируя ДЕ как коммуникативную единицу, Л. М. Михайлов выделяет облигаторные и факультативные факторы, которые конституируют ДЕ. К первым автор относит коммуникативную целостность, коммуникативную интенцию, логико-семантическую соотношенность; а ко вторым — грамматическую, лексическую и просодическую корреляции [13, с. 80]. Ю. Ф. Ещенко, понимая под ДЕ «единое коммуникативное и синтаксическое целое, части которого связаны между собой согласно определенным правилам синтаксической зависимости» [7, с. 42], указывает на то, что основным признаком ДЕ является наличие в них знаков, выражающих тождество референции [7, с. 44]. Выявляя функциональные особенности диалогического текста на основе прагмалингвистического подхода и описывая прагматическую структуру диалога, Н. А. Комина определяет прагматический тип ДЕ на основе коммуникатив-

ной интенции. По ее мнению, ведущая роль в формировании интегрированной функции ДЕ принадлежит второму члену последовательности, где находится прагматическая доминанта [9, с. 19—20].

Таким образом, функционально-коммуникативный подход к изучению единиц диалога позволит выявить не только скрытые от непосредственного наблюдения общие закономерности их построения, но и особенности их функционирования [2, 6, 8, 17, 20, 24].

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке.— Филол. науки, 1970, № 3, с. 44—58. 2. Балаян А. Р. Основные коммуникативные характеристики диалога.— Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 3. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 299—313. 4. Вейхман Г. А. Предложения и синтаксические единства.— Вopr. языкознания, 1981, № 4, с. 61—72. 5. Власова Т. М. Функционально-семантические типы реплик-реакций в диалоге пьес средне-английского периода.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1981. 7. Ещенко Ю. Ф. Единицы диалогического текста и их признаки.— Вестн. Харьк. ун-та, 1984, № 258, с. 39—47. 8. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 9. Комина Н. А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1984. 10. Леонова Л. А. О типологии ДЕ.— В кн.: Проблемы английской филологии и психолингвистики. Калинин, 1972, вып. 1, с. 72—85. 11. Максимов В. Д. ДЕ отрицательно-побудительного типа в современном английском языке.— Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 12. Маркина Л. С. Конструктивный анализ ДЕ-4 в современном английском языке.— Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 13. Михайлов Л. М. ДЕ как коммуникативная единица.— В кн.: Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка». М., 1984, с. 79—81. 14. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 15. Николаев В. П. Взаимосвязь реплик в диалогических группах со специальными вопросами в современном английском языке.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1982. 16. Пенькова Г. А. Двучленные и трехчленные СДЕ.— В кн.: Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л., 1972, с. 69—73. 17. Почепцов Г. Г. Прагматика текста.— В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980, с. 5—11. 18. Свистун Л. В. Просодическая организация ДЕ «благодарность и реакция на нее» в современном английском языке.— Дис. ... канд. филол. наук. К., 1978. 19. Святогор И. Л. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке. Калуга, 1960. 20. Слюсарева Н. А. Лингвистика речи и лингвистика текста. М., 1982, с. 22—41. 21. Теплицкая Н. И. Диалог с позиции теории актуального членения.— Филол. науки, 1984, № 4, с. 62—68. 22. Третьякова Т. П. Перспективные направления описания детской диалогической речи.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1983, № 8, вып. 2, с. 114—115. 23. Филипов К. А. Интонационные характеристики ДЕ на материале немецкого языка.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 24. Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979. 25. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 26. Шишкина Т. А. Косвенное высказывание в СДЕ.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 27. Юдина Н. Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе ДЕ.— Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Поступила в редколлегия 30.08.84.

**РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА
В СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ**

Системный подход в изучении явлений языка и возросший интерес лингвистов к содержанию словообразовательных процессов обусловили важность исследования такой специфической единицы классификации словообразовательной системы, как словообразовательное гнездо (СГ). СГ — это «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [4, с. 137]. СГ отличается от других микро-систем языка (синонимических и антонимических рядов, лексико-семантических групп, семантических полей) как семантическим, так и формальным единством всех его элементов, материальным выразителем которого является корень родственных слов, выступающий в функции носителя семантической преемственности. Как специфическая синхронная микросистема в общей словообразовательной системе СГ характеризуется иерархическим расположением своих членов, последовательным подчинением одних единиц другим. «Возглавляет» гнездо неизменяемое слово или утратившее производность, оцениваемое поэтому как исходное, вершинное, обладающее нулевой ступенью деривации.

Некоторые исследователи в качестве вершины СГ рассматривают корень родственных слов, а корневые слова считают первичными, начальными производными, входящими в сферу первой ступени словопроизводства [2, с. 18]. Если согласиться с подобной точкой зрения, то следует вообще отказаться от деления лексического материала на производные и неизменяемые единицы и пересмотреть содержание многих общепризнанных, принципиально важных понятий, касающихся специфики существования двух подсистем языка: лексической и словообразовательной.

Отправной точкой СГ необходимо считать неизменяемое (корневое) слово как наиболее простое по своему семному составу среди однокоренных. Именно оно оказывается как бы у истока словообразовательного процесса, регулируя и направляя его. От неизменяемого слова, а не от корня исходят семантические связи к мотивированным словам гнезда. Значение же корня как определенное общее значение, общая идея, выводимая путем семантического абстрагирования на фоне всей родни однокоренных слов [3, с. 26], не может рассматриваться у истока словообразовательного процесса. Корень выполняет системообразующую функцию, пронизывая своим общим значением все однокоренные слова и объединяя их в своеобразную микросистему — СГ.

Члены гнезда, удаленные от вершины на расстояние в один деривационный шаг, являющийся количественным показателем структурно-семантических преобразований исходной единицы, имеют ступень производности. Ступень мотивированности произ-

водного слова зависит от удаленности его от вершины гнезда. Ср.: *Ansehnlichkeit* — дериват четвертой ступени производности, входящий в словообразовательную цепочку «*sehen — ansehen — Ansehen — ansehnlich — Ansehnlichkeit*». СГ состоит из словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм — фрагментов гнезда, образующих его как комплексную микросистему словообразовательного уровня. Словообразовательная цепочка представляет собой ряд однокоренных слов, находящихся в отношении последовательной мотивированности. Этот горизонтальный ряд дериватов допускает возможность синхронной реконструкции словообразовательных актов, так или иначе отображаемых в семантической структуре каждого производного слова. В словообразовательной цепочке обслуживается, таким образом, ступенчатость словообразовательного механизма, дериват выступает как продукт ряда словообразовательных актов [1, с. 440—441].

Понятие «словообразовательная парадигма» в советской лингвистике определяется неоднозначно, о чем свидетельствует дискуссия на научной конференции «Словообразование и фразеобразование» в 1979 г. [5]. Обращает на себя внимание менее строгое, по сравнению с морфологической трактовкой, применение этого термина также в работах зарубежных лингвистов. Так, К. Бузашшиова объединяет в словообразовательную парадигму ряд СГ на основе сходства синтаксических функций неприводных (вершинных) слов этих гнезд [6, с. 15]. В. Флейшер отмечает, что парадигматическими отношениями связаны все производные слова конкретного СГ, которое, следовательно, и должно рассматриваться как словообразовательная парадигма [7, с. 176—177]. При этом вопрос о границах словообразовательной парадигмы, о целостности включения в нее окказиональных слов не рассматривается. Такого рода парадигмы характеризуются наличием потенциальных возможных дериватов.

Между тем классическое понятие морфологии «парадигма», которое было перенесено в сферу словообразования, должно рассматриваться как структура предельная, с закрытым числом членов, иначе сам термин «парадигма» теряет свой смысл. Под словообразовательной парадигмой следует понимать структуру с конечным числом составляющих ее компонентов, т. е. производных, имеющих одну и ту же производящую основу, и находящихся на одной ступени словопроизводства. Если морфологическая парадигма характеризуется определенным набором словоформ, то словообразовательная выявляет деривационный потенциал производящей основы.

При этом следует иметь в виду, что словообразовательная система охватывает на определенном этапе ее развития конечное число производных, закрепленных традицией, словоупотреблений. Окказиональные (индивидуальные) новообразования, присущие только определенному контексту как факту речи, рассматриваются вне пределов словообразовательной системы, ибо нарушение законов словопроизводства, разрушение словообразовательных стерео-

типов не может считаться явлением системным. Следовательно, словообразовательная парадигма также включает предельное число единиц.

Если словообразовательная цепочка характеризуется линейным расположением своих звеньев, то словообразовательная парадигма охватывает производные, находящиеся в вертикальной плоскости, непосредственно мотивированные одним и тем же словом. СГ предстает, таким образом, как многомерная структура, состоящая из горизонтальных и вертикальных рядов и образующая нечто вроде словообразовательного квадрата.

В СГ обнаруживаются основные виды отношений между его членами — парадигматические и синтагматические, которые присущи языковой системе в целом. Так, объективной основой объединения слов парадигматическими отношениями является наличие общей производящей базы, выражающей определенное общее лексическое значение. Другими словами, парадигматически соотнесенными к производящей основе служат дериваты, выявляющие словообразовательный потенциал этой основы. Например, в СГ вершинной *sitzen* производящая глагольная основа *sitz* реализует свои деривационные возможности в 48 производных, объединенных в словообразовательную парадигму на первом деривационном шаге. Данная парадигма состоит из вербальной части, насчитывающей 43 производных, субстантивной части, включающей дериваты *Sitz*, *Sitzung*, *Sitzen*, и партиципальной части, представленной причастиями (I) *sitzend* и (II) *gesessen*. Каждое производное рассматриваемой парадигмы выявляет свой деривационный потенциал в парадигмах на втором шаге деривации, за исключением субстантивированного инфинитива *Sitzen*. Так, производящая основа *beisitz* обуславливает парадигматическую соотнесенность к ней четырех дериватов: *Beisitz*, *Beisitzer*, *Beisitzen*, *beisitzend*, а причастие II *gesessen*, не обладая статусом самостоятельного слова, служит формально производящей основой при образовании дериватов *Sessel*, *sessil*, *seßhaft*. Анализ немецких отглагольных гнезд свидетельствует об уменьшении объема словообразовательных парадигм с возрастанием ступени производности.

Синтагматические отношения в СГ проявляются в линейном расположении звеньев словообразовательной цепочки и обуславливаются способностью производящего слова к разветвлению, выражающемуся в последовательном вхождении семантической структуры производящего слова в структуру производного, которое, подвергаясь структурно-семантическому преобразованию, служит исходной основой для дальнейшего образования новых единиц и т. д.

Количество и состав словообразовательных парадигм и глубина словообразовательной цепочки представляют собой величины, характеризующие семантическую структуру и конфигурацию СГ, т. е. словообразовательные возможности вершинного производного слова. Парадигматические и синтагматические отношения

между однокоренными словами, общие элементы в их значениях образуют СГ как микросистему словообразовательного уровня, системное образование слов на объективной основе их структурно-семантического единства. В этом и проявляется важная роль СГ в системной организации лексического материала. Рассматривая СГ как системное объединение, обладающее структурой, целостностью, где все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены, словообразовательную систему следует определять как совокупность СГ.

Список литературы: 1. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1956, с. 419—442. 2. *Ковалик И. И.* Семантическая функция корня в словообразовательном гнезде.— В кн.: Словообразовательная семантика восточно-славянских языков. К., 1983, с. 17—35. 3. *Потебня А. А.* Различные понятия о корне слова.— В кн.: Из записок по русской грамматике. М., 1980, т. 1, с. 21—35. 4. *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1. 5. *Словообразование и фразообразование.* — Тез. докл. науч. конф. М., 1979. 6. *Buzussyova K.* Semanticka structura slovenskych deverbativ. Bratislava, 1974. 7. *Fleischer W.* Phraeologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.

Поступила в редколлегия 10.12.84.

П. В. ДЖАНДОЕВА

**О ВНУТРИЯЗЫКОВОМ И МЕЖЪЯЗЫКОВОМ АСПЕКТАХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

311954

При определении термина и его свойств лингвисты стали менее категоричны в выделении однозначности, как основного признака, отличающего термин от общеупотребительного слова. Следуя теории поля А. А. Реформатского, термин связан не с контекстом, а с терминологическим полем, т. е. с той терминологической системой, в пределах которой термин однозначен [2]. Поэтому сделать вывод о том, что принадлежность термина к той или иной терминологической системе будет уже своего рода тематическим контекстом по отношению к полисемантическому термину для реализации нужного его значения. Следовательно, однозначность термина вне контекста не является обязательным условием его существования.

Поскольку терминология является составной частью общелитературного языка, термин подвергается воздействию всех лексико-семантических процессов, присущих слову. Многие термины, возникнув вначале как однозначные, в процессе функционирования приобретают новые значения ввиду того, что «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [1, т. 29, с. 226—227].

Что касается научно-технической терминологии, то для полноценного понимания иностранного текста и обеспечения эквивалентного перевода с родного языка на иностранный необходимо разли-

К-14038

Центральная Научная Библиотека
ИЗДАТЕЛЬСТВО

чать следующие аспекты терминологической полисемии: диахронный и синхронный, регулярный и нерегулярный, внутриязыковой и межъязыковой.

В пределах одного языка синхронная полисемия практически не ощущается, что свидетельствует об абстрактности человеческого мышления и его способности конкретизировать необходимое для него значение. Однако в двуязычной ситуации может случиться так, что для нескольких различных понятий в одном языке существует всего лишь один термин, в то время как в другом языке каждому из этих понятий будет соответствовать определенный термин. Поэтому при исследовании внутриязыковой (монолингвистической) терминологической полисемии необходимо разделять полисемию в «исходном языке» и полисемию в «переводящем языке» [3, 4].

Наиболее благоприятным для перевода является случай, когда полисемичному термину в исходном языке соответствует однозначный термин в переводящем языке, что исключает необходимость выбора нужного эквивалента. Это соответствие заслуживает более тщательного рассмотрения для исследования полисемии терминов в переводящем языке, а также принимая во внимание последствия, которые оно может иметь в лексикографии. В качестве примера возьмем французский термин «radar» (m), являющийся одним из наиболее частотных в терминологической системе электроники. В русской терминологической системе ему соответствуют следующие термины: «радиолокация»; «радиолокационная станция»; «радиолокатор»; «радар» (в зависимости от того, идет ли речь об определении посредством ультракоротких радиоволн точного местоположения какого-либо движущегося объекта, о совокупности устройств или же о самом радаре, с помощью которого определяется это местоположение). При переводе указанных русских терминов необходимость в выборе соответствующих эквивалентов не возникает, и все они могут быть переданы одним французским термином. Если же эти термины встречаются в одной и той же фразе, то при переводе следует употребить термин с соответствующими определительными словами.

Приведем еще несколько примеров французских полисемантических терминов из области электроники, обозначающих в данной терминологической системе несколько понятий, каждому из которых соответствует определенный термин в русской терминологии: accord(m) — 1) настройка; 2) согласование; alternat(m) — 1) симплекс; 2) симплексная радиостанция; balayage(m) — 1) разложение; 2) развертка; 3) сканирование; 4) след движения электронного пучка на экране и др.

Рассмотрим примеры внутриязыковой полисемии терминов в переводящем языке. Проблема перевода на французский язык терминов, имеющих несколько значений в русском языке, является значительно сложнее, поскольку возникает необходимость выбора между различными французскими эквивалентами, каждый из кото-

рых выражает строго определенное понятие. Например, термину «ззор» во французском языке соответствуют следующие термины: *jeu (m)*; *entrefer (m)*; *écart*, *~ement (m)*; *distance (f)*; *intervalle (m)*; *interstice (m)*; *bassin (m)*. Поскольку каждый из них обозначает строго определенное понятие, для адекватного перевода термина «ззор» необходима обязательная ссылка на контекст. Употребление этого термина с определяющими словами (боковой, диаметральный, заданный, осевой, между зубьями, радиальный, температурный, торцевой) эквивалентен французскому термину «*jeu*». Применительно к электрическим машинам, данный термин должен переводиться как «*entrefer*», обозначая понятие «воздушный ззор» («ззор между статором и ротором»), который эквивалентен французскому «*écart*», «*~ement*». Термин «*distance*» употребляется при переводе с русского языка термина «электрический ззор» («ззор безопасности») в зависимости от контекста, а термин «*intervalle*» соответствует русскому «контактный ззор» («временной промежуток»). Русский термин «ззор, междуузлие (кристаллической решетки)», употребляемый в терминологической системе электроники, соответствует французскому эквиваленту «*interstice*», а термин «масляный ззор» эквивалентен французскому термину «*bassin*».

Займованный из английского языка термин «триггер» употребляется в данной терминологической системе как для обозначения триггерной цепи (монтажа), так и самого устройства. Соответственно эти понятия должны передаваться на французский язык терминами «*circuit (m) flip-flop*» и «*basculeur (m) bistable*». Выбор нужного эквивалента возможен только со ссылкой на контекст. Для обеспечения адекватного перевода таких полисемантических терминов, как «блокировка», «выключатель», «генератор», «затухание», «изоляция», «индикатор», «коэффициент», «переключатель», «проводимость», «преобразователь», «частота» и др. единственным решающим фактором в выборе французского эквивалента является контекст.

Рассматривая межъязыковую полисемию, наблюдаемую в различных терминологических системах, в качестве примера возьмем термин «разряд», который в терминологической системе электроники имеет несколько значений, например, разряд электронный (разряд электрический), т. е. перемещение электрических зарядов между точками, имеющими разность потенциалов. Его французским эквивалентом является термин «*ordre*» (m), который, кроме указанного значения, имеет еще два других во французской терминологии: «снятие нагрузки» и «разгрузка, выгрузка». Вторым значением приведенного в качестве примера термина в русской терминологической системе электроники является «контрольный двоичный разряд» (ему соответствует французский эквивалент «*bit (m) de contrôle*»). Кроме этого, французский термин в терминологической системе электроники обозначает еще и «бит», т. е. двоичную единицу измерения количества информации. Третье значение рус-

ского термина «разряд» относится к смежной области знания, терминологической системе вычислительной техники — «разряд, ряд». Его французским эквивалентом является термин «ordre» (m), который в данной терминологической системе имеет еще два других значения: «порядок» и «команда». Термин «разряд» употребляется также в значении «класс», «группа», «категория» и соответствует французским эквивалентам *classe* (f), *groupe* (m), *catégorie* (f), имеющих во французском языке еще несколько других.

Эквивалентом термина «якорь» во французской научно-технической терминологии является термин «induit» (m), когда речь идет об электрических машинах постоянного тока. Если имеется в виду «якорь реле», то его следует передавать французским эквивалентом «palette» (f), а русский термин «якорь электромагнита» соответствует французскому «armature» (f). Последний во французской терминологической системе электроники, помимо указанного значения, имеет еще два других: «обкладка» (конденсатора постоянной емкости); «пластина» (конденсатора переменной емкости), которые ничего общего не имеют с русским термином «якорь».

Анализ показывает, что в отличие от внутриязыковой терминологической полисемии исходного или переводящего языков, которую можно представить в виде двух, трех и более равенств с общим термином, имеют место случаи, когда различное множество терминов и понятий в рассматриваемых языках представляет значительную трудность в выборе нужного значения термина вне контекста. Терминологическая полисемия является одной из наиболее трудно-разрешимых проблем как лексикографии, машинного перевода, так и процесса обучения научно-техническому переводу. Исследование этого явления в терминологии требует нового к нему подхода.

На основании анализа полисемантических терминов в русском и французском языках можно заключить, что первостепенное значение при исследовании полисемии терминов в пределах конкретной терминологической системы имеет разделение в синхронном плане внутриязыковой и межъязыковой терминологической полисемии. Во внутриязыковой полисемии принципиально важное значение приобретает выделение полисемии терминов исходного и переводящего языков. Такое принципиальное разделение и ссылка на контекст являются обязательным условием адекватного перевода в пределах двух языков.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики / Под ред. С. К. Шамян. М., 1968. 3. Пумпянский А. Л. О принципе языковой многозначности.— *Вопр. языкознания*, 1983, № 1, с. 122—130. 4. Бархударов Л. С. *Язык и перевод*. М., 1975.

Поступила в редакцию 29.09.84.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА**

Попытаемся проанализировать сложные синтаксические конструкции в качестве коннекторов, объединяющих предложения в сверхфразовые единства (СФЕ). Выбор объекта исследования в плане его функционирования в СФЕ объясняется тем, что природу любого знака, в том числе и языкового, можно определить лишь во взаимодействии его с другими знаками. Изучая, сопоставляя языковые явления в контексте, исследователь имеет возможность выявить его закономерности, найти новые аспекты данного объекта. Так, вопрос о роли сложносочиненных предложений (ССП) и присоединительных конструкций (ПК), введенных с помощью сочинительной связи как элементов связующих текст, в структуре СФЕ систематически еще не рассматривался в плане прагматической теории языка. Задача исследователей этих конструкций заключается в том, чтобы проанализировать строение этих сложных образований на коммуникативном уровне, т. е. показать их динамическую структуру. Актуальное членение текста представляется наиболее перспективным по сравнению с грамматическим членением. Г. А. Золотова, например, выдвигает идею структурно-смыслового компонентного анализа текста [1, с. 131]. Тема-рематическое членение имеет конечный характер и, следовательно, определяет границы СФЕ.

В большинстве исследований по лингвистике текста рассматриваются различные лексические и синтаксические коннекторы, интегрирующие текст. Вероятно, ССП и ПК могут служить одним из многочисленных «лабиринтов» сцепления. В современном синтаксисе встречаются ССП однородного и неоднородного состава. Значительно ближе к связному тексту стоят последние. Вторая часть таких ССП соотносится с содержанием первой части, так или иначе включая ее и образуя единое смысловое целое. В таких типах ССП и ПК союз выполняет определенную семантико-синтаксическую функцию, а вторая часть этих конструкций (вторая часть ССП и сама ПК) выступает в роли пояснения, дополнения, уточнения, организуя таким образом высказывание в единое целое.

Синтаксические отношения между частями ССП неоднородного состава и ПК таковы, что они образуются «не сами для себя», а для сочетания с другим предложением. Напр.:

He lived in Udine and came out in this way nearly every day to see how things were going, *and things went very badly* (E. Hemingway).

Завершающая часть этого предложения дополняет (подытоживает) смысл предыдущего сообщения и несет новую смысловую нагрузку. В предложении вторая часть стоит после сочинительного союза

and и несет дополнительное сообщение о некоем прономинальном субъекте it:

It lay on the table of the classroom, *and it may have been left there by her own hand* (A. Conan Doyle).

Такой тип ССП с семантико-синтаксическими отношениями дополнения, разъяснения, уточнения сходен с ПК. В данном случае ССП представляет собой коммуникативное, синтаксическое единство на основе различных средств связи, а сочинение играет роль соподчинения [4, p. 29].

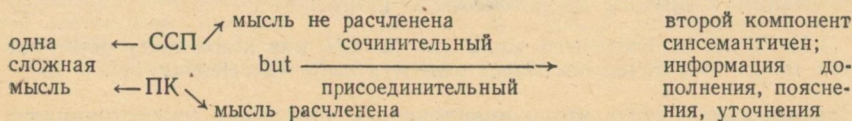
Анализ структуры и семантических особенностей ССП показал, что в большинстве случаев предикативные части ССП зависят друг от друга, причем вторая часть прочно «привязана» к основной первой с помощью анафорических слов, установленного порядка слов, корреляции видо-временных форм, определенного артикля, а также по смыслу. Данные ССП напоминают ПК, которые присоединяются союзно или бессоюзно к предыдущему высказыванию, являясь распространенными или нераспространенными членами предложения, причем всегда синсемантическими. Они не могут быть самостоятельными предложениями, однако с предыдущим высказыванием-диктумом образуют сложную нерасчлененную мысль. ССП такого типа представляют собой «относительное сочинение», важным формальным признаком которого служит постоянный порядок частей. Этот признак в какой-то степени сближает ССП неоднородного состава с ПК, которую никогда нельзя вынести в препозицию. Ср.:

1) — Those are all brandy bottles, aren't they? Miss Van Campen asked. — I can't see them all. *But they probably are*;

2) I got up and stood at the door to see if it was raining in *but it wasn't*, so I left the door open (E. Hemingway).

В обоих случаях вторые компоненты присоединяются к первой части высказывания, союз *but* связывает сообщения о фактах, не исключающих друг друга. Коннекция осуществляется с помощью союза *but*: в первом случае — присоединительного, а во втором — сочинительного союза или анафорических местоимений *they, it*, эллипсиса во второй части ССП и в ПК, корреляции видо-временных форм (в первом примере — Present Indefinite, Active Voice; а во втором — Past Indefinite — Past Continuous, Active Voice).

Сходство и различие этих конструкций можно представить в виде следующей схемы:

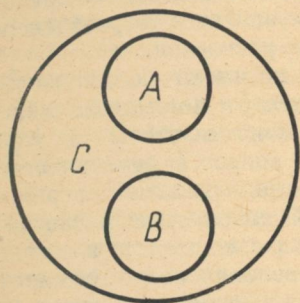

Итак, с точки зрения коммуникативного задания компоненты ССП и ПК разнофункциональны по отношению к предыдущему

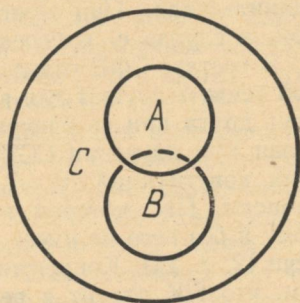
высказыванию и несут разную смысловую нагрузку. Первая часть ССП обычно более информативна и содержит сообщение об определенной ситуации; вторая часть также несет информацию, но иного плана — служебную, дополнительную:

Well, are you going to tell me about it, or shall I probe and pry? (S. Gray).

Это предложение можно условно представить так (см. рисунок, позиция *a*). Здесь А — действие «to tell»; В — действие «to probe and pry»; С — символ целостности действий А и В, обобщающего характера. Тогда как ПК имеет следующий вид (см. рисунок,

a

б

позиция *б*), где А — высказывание, предшествующее ПК; В — ПК; С — символ единства действий А и В.

Ряд авторов не находят принципиальной разницы между ССП, вводимыми союзами *and*, *but*, *or*, и ПК, начинающихся с этих же союзов. Поскольку логико-семантические связи основного предложения и ПК неравнозначны, союзы в ССП и ПК называют либо сочинительными, либо присоединительными. Логическое обоснование ПК заключается в изображении течения речи, которая отражает постепенное развитие мысли. Суть сочинения состоит в отражении процессов реальной действительности в их естественной последовательности высказываемых мыслей, возникших «сразу», не расчлененно. О роли союзов, а также о различии двух конструкций Л. В. Щерба писал: «... Союзы могут употребляться в функции, когда они не соединяют те или другие элементы в одно целое, а лишь присоединяют их к предшествующему. Тогда как в случае соединения оба члена присутствуют в сознании, уже при самом начале высказывания, в случае присоединения второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [3, с. 23]. Употребление ПК и ССП в непринужденной разговорной речи символизирует динамизм, экспрессию. Наглядным примером частотности употребления ССП и ПК в речи может служить роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!».

Являясь бинарными конструкциями, ССП и ПК имеют различия. Так, части некоторых типов ССП могут перемещаться, меняться местами:

The town was very nice and our house was very fine (E. Hemingway).
I have no place now to shoot, she said. — *But it was very good* (E. Hemingway).

Из второго примера видно, что ПК следует только за основным предложением, причем перемещения не допускаются. Части ССП могут представлять собой относительно законченные по смыслу высказывания, ПК же не выражают полноты высказывания, так как их смысл полностью раскрывается в более широком контексте. Для ССП характерна сочинительная связь, для ПК — присоединительная. При присоединении мысль является нерасчлененной, в случае с присоединением — мысль расчленена.

В составе СФЕ отдельные предложения не имеют самостоятельной темы, а служат для выражения одной темы и взаимодополняют друг друга при ее раскрытии, т. е. СФЕ монотематичны. В этой связи при изучении ССП и ПК возникает вопрос о рематичности этих конструкций. Е. А. Реферовская, например, отмечает рематичность ПК, которая представляет собой дополнение к сказанному и без него не имеет ни формальной опоры, ни смысла в потоке речи [2, с. 24]. Корректность данного определения подтверждается тем, что ПК входит в рему основного предложения в качестве ее дополнительного компонента. Важной задачей является изучение коммуникативных функций сложных синтаксических конструкций и создание модели актуального членения. Исследованный нами материал позволяет судить и о рематичности второй части ССП неоднородного состава в плане актуального членения текста. Таким образом, рематичность ССП и ПК отличается друг от друга, поскольку для ССП она заданная, а для ПК — спонтанная. Ср.:

The whites of the eyes were yellow, *and it was the jaundice*.
— Nothing ever happens to the brave.
— They die of course.
— *But only once* (E. Hemingway).

В данных примерах вторые части предложений рематичны. Ремы этих предложений вступают в смысловые отношения с другими ремами в структуре целого, создавая «рематическую доминанту» [1, с. 120] текстового фрагмента, сигнализирующую общность и способствующую членению текста. Итак, предварительный анализ ССП и ПК дает представление об их коммуникативной значимости, текстообразующей функции, о роли ремы в вопросе связности текста.

Список литературы: 1. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 113—133. 2. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983. 3. Щерба Л. В. Русская речь. Л., 1928. 4. Sandman M. Subordination and coordination. — *Archivum Linguisticum*, 1950, 2, N 2, p. 24—36.

Поступила в редколлегию 17.12.84.

**ОБ ИНТЕГРАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ
ЯЗЫКА КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ**

На первый взгляд трудно найти общее между представлениями о языке как явлении природы (организме) и высказываниями, где язык выступает в качестве единственного истинного объекта лингвистики. Однако на основании этого высказывания или независимо от него некоторые лингвисты объясняют языковые изменения исключительно внутриязыковыми причинами, защищая тем самым идею саморазвития языка.

К последним причисляют и Б. А. Серебренникова, поскольку он настаивает на том, что языку присущи явления, которые невозможно связать с историей какого-либо народа: различные способы облегчения произношения, особенности дистрибуции фонем, усечение конца слов, образование форм по аналогии и т. д. [10, с. 10]. При этом автор по традиции ссылается на следующее высказывание Ф. Энгельса: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически ... происхождение] верхненемецкого передвижения согласных...» [1, т. 37, с. 395]. По этому поводу В. А. Аврорин пишет: «Ф. Энгельс был бесспорно прав, говоря, что фонетические законы языка нельзя выводить из экономики. Но это не следует понимать упрощенно, как отрицание какой бы то ни было связи между историей общества и развитием звуковой стороны языка ...» [2, с. 15].

Представляется, что споры о преимущественном влиянии на развитие языка внутренних или внешних факторов могут быть бесконечными, так как теория внешних и внутренних факторов варьирования и изменений в языке «не отводит должного места самому говорящему и именуемому человеку, который в действительности оказывается решающим фактором в варьировании языковых средств и эволюции языка» [4, с. 73]. Подобное рассуждение находим и у В. А. Звегинцева: «При изучении языка не как результативного образования, а как деятельности общения, не как состояния, а как процесса, язык — не сам по себе ... он — не вне человека, а часть человека в силу того обстоятельства, что лишь через посредство человека обуславливаются все метаморфозы языка» [7, с. 161].

Условия функционирования языка наводят на мысль о том, что подлинно внутренних факторов изменчивости языка не существует. Так, любое заимствование можно только условно отнести за счет внутриязыковых факторов, «поскольку оно реализуется не как результат взаимодействия лексических систем, а вследствие контактов носителей этих систем» [11, с. 33]. Л. В. Щерба был уверен в том, что «всякое взаимное воздействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными» [13, с. 67]. Естественно, в какой-то мере речетворческая

деятельность человека ограничена структурными и системными возможностями языка, носителем которого он является. Однако по поводу «давления системы» В. А. Аврорин замечает, что даже и здесь конечной целью изменений следует считать осознанное или неосознанное усовершенствование языка, поддержание его коммуникативной пригодности [2, с. 15].

Среди тенденций, действующих в плане улучшения языкового механизма, ученые часто указывают на устранение избыточности средств выражения. Если избыточность понимать как излишество, то она действительно устраняется. Однако в современном языковедении избыточность понимается не только и не столько как излишество, а главным образом, как возможность эффективного функционирования языка даже в неблагоприятных условиях [7, с. 250]. Поэтому избыточность чаще всего связана с эллипсисом и другими видами подразумевания, а не с элиминацией, т. е. не с изменениями в языке, а с варьированием в речи.

В связи с тем, что часто варианты не устраняются, происходит их дифференциация по социальным, территориальным и функциональным признакам. Если последнее не учитывать и изучать язык как автономную, саморазвивающуюся систему, то можно прийти к неправильным выводам относительно перспектив развития отдельных участков языка. При отказе от изучения социальной и функциональной дифференциации языковых явлений пришлось бы говорить о свободном варьировании. Существование же в одном языковом коллективе нескольких разновидностей форм свидетельствует о наличии некоего переходного периода, предшествующего наступлению или совершению изменения в языке. Несмотря на то что язык не допускает сосуществования идентичных форм по своей семантике и функциям, некоторые варианты, объявляемые «свободными», сосуществуют длительное время, и сдвиг в их частотном соотношении не наблюдается, т. е. изменения не наступают, если под этим понимать устранение одной из конкурирующих форм. Парадокс объясняется тем, что часто в таких случаях имеет место дифференциация форм по социальным и функциональным признакам, тормозящая или даже исключаящая элиминацию одного из вариантов.

Стремление же социолингвистики и некоторых других направлений языковедения оформиться в самостоятельные дисциплины порождает опасность преувеличения роли социальной и функциональной дифференциации языков. Однако социальная и функциональная дифференциация является вторичной по отношению к формальному и семантическому варьированию языковых единиц. Кроме этого, необходимо учитывать тот факт, что дискретные единицы языка извлекаются из речевого континуума [3, с. 127; 9, с. 118]. Следовательно, выделение различных типов дифференциации не может не быть условным.

Таким образом, в описании языка необходимы интегральный подход, а также комплексное рассмотрение языковых единиц и их

функционирования с привлечением не только чисто лингвистических методов, но и методов социолингвистики, психолингвистики, особенно в ее социальном аспекте, и прагмалингвистики. Даже поверхностное знакомство с состоянием дел в указанных областях позволяет убедиться в том, что почти все они окончательно не определились. При этом наблюдается некоторый параллелизм не только в объекте, но и в предмете исследования, что особенно заметно на примере социолингвистики и прагмалингвистики. Учитывая интерес, который проявляют ученые к речевому общению в социолингвистике, прагмалингвистике и социальном ответвлении психолингвистики, возможно объединение их усилий в рамках коммуникативной лингвистики как дисциплины, призванной изучать все аспекты речевой коммуникации. Особенно важен такой подход для полноты описания языковых единиц и прежде всего их функционирования в речи.

Специалисты в области английской грамматики уже пытались описать языковые явления в коммуникативном аспекте [16], но без теоретического обоснования и освещения прагматических и социопсихологических факторов варьирования. Исходя из этого, рассмотрим вариативность грамматического строя английского языка в коммуникативном ракурсе, ограничившись формами существительного, прилагательного и глагола.

Существительное. Наибольшее число вариантных форм существительного обнаруживается в атрибутивных сочетаниях. Ср.: a rose garden, a usual Enderby day, the Bonn Government, in a few years' time, in a hundred years time, six months pretax profits, the seven week strike, a fingernail's click, a printer's error, printers' errors. Эти атрибутивные конструкции приведены для того, чтобы доказать несостоятельность утверждений некоторых грамматистов о том, что в атрибутивной функции существительное может выступать только в форме притяжательного падежа, а случаи типа a rose garden следует рассматривать как примеры адъективации существительных. Вследствие адъективации произошла бы смена парадигмы или утрата существительным своих категориальных форм в данной позиции. Однако в этой позиции существительное может иметь форму как единственного, так и множественного числа. Тот факт, что даже существительные *pluralia tantum* теряют иногда морфему *-s* в атрибутивной позиции (trouser pockets, trousers pockets) свидетельствует не столько в пользу идеи адъективации существительного, сколько о том, что здесь нет установившейся нормы употребления.

Трудно предположить, каким образом закончится наблюдаемый процесс, а также, сколь долго он может продолжаться. По нашему мнению, возможны два исхода: I) появление расхождений в семантике сочетаний типа the Thatcher government и M. Thatcher's government (опрос информантов не позволяет пока выявить каких-либо расхождений, так как информанты отмечали только «газетный» характер первого сочетания, что не совсем верно: сочетания типа

Horton number или Howell — Bunger valve широко распространены и в научно-технической литературе); 2) вытеснение одной из форм существительного в атрибутивной (неизвестной) позиции, поскольку обе они достаточно активны (форма притяжательного падежа распространяется на неодушевленные существительные, а немаркированная форма — на имена собственные).

Если бы форма на -'s осталась единственной формой существительного в атрибутивной позиции, то можно было бы говорить о превращении падежного окончания в формант, указывающий на атрибутивную функцию существительного, а также сочетания слов или предикативной конструкции. Ср.: the Duke of Edinburgh's speech, the blonde I had been dancing with's name was Bernice... В случае вытеснения формы на -'s немаркированной формой речь могла бы идти, во-первых, об исчезновении категории падежа у английского существительного; во-вторых, об адъективации существительного при исчезновении у него морфемы множественного числа в атрибутивной позиции. Возможен и третий исход — немаркированная падежная форма вытесняет форму на -'s, но при этом сохраняет способность присоединять морфему множественного числа.

Поскольку варианты форм существительного в атрибутивной позиции пока не обнаруживают заметных семантических различий, они не подверглись социальной или функциональной дифференциации, если не упоминать об их пока еще нечетко определенной стилистической принадлежности. В немногих случаях формы различаются по их принадлежности к разным национальным вариантам языка: a baby's bottle, a baby's pram (BE) — a baby bottle, a baby carriage (AE).

Варьирование форм числа у существительного наблюдается и в независимых позициях, т. е. там, где существительное не является адъюнктом. В данном случае мы имеем в виду примеры регулярного употребления только единственного (множественного) числа или существительных с окончанием -s, но сочетающихся с глаголом в единственном числе; а также существительных без окончания -s, но сочетающихся с глаголом во множественном числе, так как они подробно описаны в общедоступных грамматиках. Большой интерес представляют случаи появления формы множественного числа у существительных *singularia tantum* и формы единственного числа у *pluralia tantum*, или же появление исчисляемых вариантов у неисчисляемых существительных и, наоборот, неисчисляемых вариантов у обычно исчисляемых существительных. Очень часто подобные явления связаны с изменением в сочетаемости с неопределенным артиклем, хотя иногда появление неопределенного артикла не сопровождается появлением формы единственного числа. Ср.:

Carnaby Street, where boy meets girl and doesn't know it;
There is too much mama and papa about them;
I don't like beer. We had a few beers;

...some of the workers felt so insulted and humiliated that they began to agitate for change;

... with verbs referring to a change of state, the progressive aspect indicates movement towards the change;

The man was killed with a scissors;

... showing too much leg.

Возникает вопрос о толковании пар типа beer — a beer, a leg — much leg, a change — change, etc. В большинстве случаев формального варьирование вызвано изменением в семантике существительного. У варианта beer название напитка представлено нерасчленинно, в то время как a beer называет некоторую меру (порцию) пива. Поэтому первый лексико-семантический вариант употребляется как неисчисляемое существительное, а второй — как исчисляемое. Однако в примерах Beauty is only skin deep и She is a real beauty трудно решить, являются ли beauty и a beauty лексико-семантическими вариантами или омонимами. В. Н. Ярцева, например, считает, что iron (железо) и an iron (утюг) — это разные лексемы, т. е. омонимы [14, с. 11]. Определенный интерес представляет употребление alms и an alms, признаваемое нормативным, поскольку в данном случае нельзя говорить о семантическом варьировании, так как употребление неопределенного артикля факультативно [15, р. 24].

Указанные случаи формального и семантического варьирования не являются социально или стилистически маркированными и не участвуют в формировании прагматического смысла высказывания. Кроме упомянутых примеров, назовем еще один случай социально-территориальной дифференциации варьирующих форм: roaden как диалектная форма противопоставляется литературной roads (ср.: eyes — eyen и т. п.).

Прилагательное. Простейшим случаем формального варьирования у прилагательных является чередование синтетических и аналитических форм сравнительной и превосходной степени. В современном английском языке наблюдается тенденция к сокращению количества прилагательных, способных иметь синтетические формы сравнения. В одном из пособий по современному английскому языку указывается, что некоторые двухсложные прилагательные могут иметь как синтетические, так и аналитические формы сравнения (common, handsome, polite, quiet, wicked; pleasant, cruel, stupid, tired), а также прилагательные, оканчивающиеся на -ow, -er и -le. Почти со всеми этими прилагательными чаще всего употребляются степени сравнения с more и most. Предлагается простое правило: употребляй more и most со всеми двухсложными прилагательными кроме тех, что оканчиваются на -у [12, с. 144]. Однако и это правило при анализе фактического материала оказывается слишком строгим, так как прилагательные на -у могут иметь не только синтетические, но и аналитические формы сравнения. Ср.:

He is healthier than his brother;

He is more healthy than his brother.

Поскольку варьирование форм сравнения прилагательных не сопровождается их семантической дифференциацией, им не присуща социальная или функциональная дифференциация. Следовательно, на данном участке грамматического строя английского языка уже сейчас намечается тенденция к вытеснению синтетических форм сравнения, причем имеются случаи, когда односложные прилагательные образуют формы сравнения с помощью *more* и *most*: *About Peter and David; Each is wrong; But David is more wrong.*

Относительные прилагательные и качественные, обозначающие абсолютное качество, не изменяются по степеням сравнения. Однако иногда они появляются в сравнительной или превосходной степени. Ср.:

Bundle found herself looking into the expressionless, wooden face of Superintendent Battle. The Superintendent was sitting behind a table and looking more wooden than ever;

I watched Waldo's face get deader and deader.

Такие случаи нельзя рассматривать как свидетельство распространения степеней сравнения прилагательных, поскольку прилагательные в данных примерах употреблены в переносном смысле, т. е. являются лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) прилагательных *wooden* и *dead*. Исходя из этого, некоторые лингвисты предлагают делить прилагательные по характеру представления признака: в статике или динамике. Оба варианта прилагательных различаются также по способности сочетаться с длительной формой глагола [8, с. 117]. Например, можно встретить выражения типа *The actor is being wooden*, но *The cabin is being wooden* воспринимается как неправильное. Если имеется в виду национальность (*John is English*), то употребление интенсификатора или сравнительной степени прилагательного недопустимо. Когда же речь идет о поведении Джона, то вполне допустимы выражения типа *John is very English* или *John is more English than the English*.

Итак, семантическое варьирование прилагательных позволяет употреблять динамичные ЛСВ для достижения определенного стилистического эффекта. Следовательно, подобные ЛСВ могут участвовать и в формировании прагматического смысла высказывания. В основном же прилагательные и существительные участвуют в формировании прагматического смысла благодаря эмоционально-экспрессивной окраске их лексических значений.

Глагол. В отличие от других частей речи глагол очень богат примерами формального и семантического варьирования, поэтому и социальная, и функциональная дифференциация глагольных форм прослеживается достаточно четко. Более значительную роль играют категориальные формы глагола и в формировании прагматического смысла высказывания. В некоторых случаях существует прямое соответствие между категориальной формой глагола и прагматическим типом высказывания. В английском языке форма пове-

длительного наклонения связана прежде всего с побудительным высказыванием, а форма страдательного залога может использоваться сознательно для того, чтобы не упоминать агента действия. В большинстве же случаев прагматический эффект достигается благодаря метафорическому употреблению категориальных форм глагола. Так, формы ирреалиса в ситуациях, когда описываются реальные события и отношения, употребляются как более вежливые, аналогичным образом переосмысливаются формы прошедшего и «будущего» времени, а также длительная форма глагола. Употребление форм настоящего времени (простых и длительных) для обозначения будущих событий придает высказыванию более категоричный характер. Ранее мы подробно описали связь формального и семантического варьирования категориальных форм глагола с социальной и функциональной дифференциацией их употребления [5, 6]. Такая «специализация» глагольных форм не позволяет считать достаточно обоснованными предположения о происходящей перестройке системы наклонений английского глагола и о реликтовом характере синтетических форм сослагательного наклонения в современном английском языке. С другой стороны, стирание различий в семантике так называемых форм будущего времени с *shall* и *will* в первом лице ведет к вытеснению первого последним, причем не только в АЕ, но и в ВЕ.

- Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. 2. *Аврорин В. А.* О предмете социальной лингвистики.— *Вопр. языкознания*, 1975, № 4, с. 11—15. 3. *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 4. *Гак В. Г.* Языковая вариантность в свете общей теории вариантности (К проблеме факторов и роли вариантности в языке).— В кн.: *Вариантность как свойство языковой системы*. М., 1982, ч. 1, с. 72—75. 5. *Дородных А. И.* О некоторых проблемах, связанных с формами времени и наклонения в английском языке.— *Вестн. Харьк. ун-та*, 1982, № 231. Системы романских и германских языков и обучение речи, с. 8—13. 6. *Дородных А. И.* Вариантность и синонимия глагольных форм в английском языке.— *Вестн. Харьк. ун-та*, 1984, № 258. Методологические и методические вопросы изучения германских и романских языков, с. 23—33. 7. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. 8. *Кеерк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я.* Грамматика современного английского языка для университетов. М., 1982. 9. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. 10. *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 11. *Степанов Г. В.* Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки.— В кн.: *Социальная и функциональная дифференциация литературных языков*. М., 1977, с. 27—41. 12. *Суон М.* Английский язык в современном употреблении. М., 1984. 13. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 14. *Ярцева В. Н.* Проблема вариантности на морфологическом уровне: Семантическое и формальное варьирование на морфологическом уровне.— В кн.: *Семантическое и формальное варьирование*. М., 1979, с. 7—27. 15. *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. M.; Oxford, 1982. 16. *Leech G., Svartvik J.* A Communicative Grammar of English. L., 1975.

Поступила в редколлегию 29.10.84.

ОТКАЗ ОТ ОТВЕТА И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Прагмалингвистические исследования способствуют возрастанию интереса к проблеме прагматического значения языковых форм. Р. Конрад, например, считает, что такое значение определяется действием четырех экстралингвистических факторов: ситуацией, фоновыми знаниями, способностью воспроизводить и перерабатывать ситуацию, а также умением делать логические выводы. Поэтому изучение прагматического значения относится к области теории речевой деятельности*, а не к грамматике, хотя и представляет для последней интерес (по-видимому, существуют типичные языковые структуры, обеспечивающие реализацию указанных способностей) [3, S. 44].

Попытаемся показать возможность и целесообразность взаимодействия прагматического и лингвистического анализа языковых структур, выражающих отказ от ответа. Ответные реплики типа «ich weiß nicht; keine Ahnung; das geht dich nichts an» (уклонение или отказ от ответа) рассматривались в общем виде О. Г. Бровеевым [2, с. 6]. Такие предложения Р. Конрад называет «неполноценными» ответами [3, с. 13], полагая, что хотя они и удовлетворяют условия вопроса, однако в целом или частично оформлены неверно. С этим трудно согласиться, поскольку подобные реакции вообще нельзя рассматривать как ответ.

Отказ от ответа может быть вызван различными причинами. «Констатирующее свойство вопроса,— подчеркивает Р. Конрад,— состоит только в информационном требовании, исходящем от спрашивающего и обращенном к его речевому партнеру; возможность выполнения этого информационного требования зависит от разнообразных, по преимуществу, экстралингвистических условий, в которых разворачивается акт задания вопроса» [3, с. 13]. Наиболее естественная и простая причина отказа от ответа заключается в *отсутствии у спрашиваемого требуемой информации*, напр.:

«Was ist in der schwarzen Tasche?» — «Keine Ahnung».

«Hast du ihn getroffen?»

«Weiß ich nicht. Ich glaube, er hat mich aufgelauret. Aber ich weiß es nicht» [6, S. 276].

Адресат, не имея необходимой информации (знаний), не может ответить на поставленный вопрос. Типичной речевой реакцией на такой вопрос служат реплики типа «ich weiß nichts, keine Ahnung» и их синонимы, напр.: «Was denken (meinen) ... Sie? — Nichts:

* Автор, очевидно, имеет в виду не психолингвистическую теорию речевой деятельности, а теорию речевых актов. По нашему мнению, вопросно-ответные единства могут изучаться в обоих аспектах.

Im Wagen fragte Monkert: «Was danken Sie, Chef?» — «Nichts», sagte Hochwalder, «rein gar nichts» [9, S. 13].

Отказ от ответа объясняется и тем, что *на вопрос вообще невозможно дать ответ*: Gegenanwalterin: «... warum lieben Sie sich?» — Eva: «Wir lieben uns, weil wir uns lieben» [Ibid.]. В рассматриваемом случае ответ формально дан (weil wir uns lieben), однако по сути это тавтология, т. е. отказ от ответа на неразумный вопрос

Отказ отвечать на вопрос может быть вызван различными группами причин: прагматической нецелесообразностью ответа, невыгодными следствиями для адресата, его отношением к адресату и т. п.* Напр.:

Gegen Anwältin: «Dann müssen wir präziser werden, Herr Zeuge, war Fräulein Eva Ihre Geliebte?»

Eva: ...

Anwalt: «Darauf können Sie die Aussage verweigern!»

Hansi: «Ich — ich verschweige die Aussage» [9, S. 48].

В данном примере, вероятно, адресат не желает отвечать вообще.

Pinneberg überlegt etwas sehr genau, kämpft mit sich und faßt dann einen Entschluß. «Bestimmt», sagt er; «Was ist denn, Jungchen?» — «Nee, ich sage es dir nachher; Ganz zum Schluß. Ich habe mir was vorgenommen» [6, S. 208].

Здесь адресат просто не хочет отвечать в данный момент.

Для эксплицитного отказа отвечать на вопрос можно воспользоваться устойчивыми ироническими репликами:

«Warum?» (Почему?)

«Warum ist die Banane Krumm?» (— Потому, что кончается на «у»)

«Was?» — «Altes Faß»

«Wohin des Weges?» (Куда?)

«Nach Boxtebude» (— На кудыкину гору) [5, S. 57].

Гораздо чаще встречается не прямой отказ от ответа, а различные *виды уклонения от него*. При этом в зависимости от ситуации спрашиваемый может уклоняться от ответа вообще или от немедленного ответа. Р. Конрад уклончивыми ответами называет такие предложения, «которые включают некий образ вопроса (его полное повторение или местоименную замену типа *das* или *diese Frage*), сопровождаемый некоторым добавлением, указывающим на то, что спрашиваемый не может или не хочет ответить на вопрос» [3, с. 14].
Напр.:

«Wann ist Goethe geboren?» — «Ich weiß nicht, wann Goethe geboren ist»; («— Das kann ich nicht sagen»; — «Auf diese Frage möchte ich nicht antworten») [9, S. 13].

«Willst du schaufeln oder Fenster putzen?» fragt er. «Oder Kaffee kochen?» — «Zieh ich nun ein mit meiner Klasse?» fragte sie. «Das hängt davon ab, was du jetzt machst», sagte der Mann mit der Schaufel, der ihr Direktor war [7, S. 205].

Адресат уклоняется от прямого ответа на вопрос и отвечает вопросом на вопрос, ставя ответ в зависимости от условия («Ich werde dann mit meiner Klasse einzichen»):

«Wohin willst du?» — «Irgendwohin wollte ich».

— «Allein?» — «Du kennst sie sowieso nicht».

— «Das Zopf mädchen?» fragte Max [7, S. 138].

Адресат хочет скрыть от окружающих, куда он идет и с кем, поэтому от ответа на вопросы отделяется ничего не значащими общими фразами:

«Sie standen ihr sehr nahe, nicht wahr?» «Seit wir von diesem Unglück in der Zeitung gelesen haben, sind wir verwirrt und ... deprimiert ...» [11, S. 73].

Адресат стремится скрыть свои отношения с погибшей, поэтому начинает говорить не от себя лично, а от имени жены о переживаниях, которые выпали на их долю, и тем самым тоже уклоняется от ответа:

Es klopft draußen. «Pinneberg» ruft eine Stimme. «Kommst du mit, Pinneberg?» Pinneberg springt auf, einen Augenblick steht er zweifelnd. «Also...», fängt er an und lauscht. «Ich», ruft Pinneberg durch die Tür, «ich möchte...» — «Also nein». — «Versteh schon, Krymna, ich würde, aber meine Frau... Du weißt doch, Frauen ...» [6, S. 322].

Адресат не хочет идти с друзьями, однако не может прямо отказаться и пытается смягчить отказ, уклоняясь от прямого ответа. В данном случае используется незавершенность предложения, отрывочная речь, допускающая разное толкование, намеки и т. п.

Одним из способов уклонения от ответа является указание на нецелесообразность, неразумность вопроса:

Der Kommissar wandte sich an Frau Birk, die in einer illustrierten blätterte. «Können Sie eine Liste mit den Namen und den Anschriften aller Gäste anfertigen?» Rudolf Birk fuhr auf. «Wozu das? Glauben Sie, ich verkehre mit Ganoven!» Frau Birk trat an den Schreibtisch und brachte ein Blatt Papier [8, S. 23].

Адресат (Брик) стремится скрыть имена тех, кто у него был в гостях, поэтому на вопрос отвечает вопросом, всячески изворачивается, подвергая сомнению необходимость задавать вопрос вообще:

«Ist Ihnen nicht gut?» fragte er besorgt. «O, doch, es ist nur ... Zur Zeit muß ich hier alles allein bewältigen. Wenn ich eine Kopfschmerztablette nehme, ist sicherlich gleich wieder alles in Ordnung» [11, S. 92].

Адресат уклоняется от ответа на вопрос, так как хочет скрыть состояние своего здоровья:

«Was wollte sie?» — «Was wird sie schon gewollt haben?» Frau Beck hob die Schultern. «Eben so ein Höflichkeitsanruf ...» [8, S. 18].

В доме адресата (фрау Бек) ведется расследование убийства. Она и ее знакомые втянуты в данное дело, но полиция пока в этом не уверена. Фрау Бек стремится скрыть правду, поэтому не хочет

говорить о содержании телефонного разговора, отвечая сначала на вопрос вопросом, а затем уклончивыми фразами.

Отказ отвечать или уклонение от ответа могут быть также выражены разнообразными паралингвистическими средствами или молчанием. Напр.:

«Du liest viel in Illustrierten, nicht wahr?.. Liest du manchmal auch in einem Buch?» Darauf antwortete ich nicht, ag doch einfach unter meiner Würde [10, S. 36].

Здесь вопрос поставлен таким образом, чтобы оскорбить адресата намеком на ограниченность его духовного развития. Поэтому он предпочитает вообще на него не отвечать. В авторской речи выражен как сам факт этого нежелания, так и его причины:

«Ist etwas nicht in Ordnung?» fragte Weiß besorgt. Simosch schwieg, lauschte dem Wort, das in seinem Kopf hämmerte: Lüge, Lüge, Lüge [11, S.19].

Молчание здесь вызвано тем, что адресат занят своими мыслями, поэтому не слушает спрашивающего.

Молчание может сочетаться также с определенными ситуационно-обусловленными телодвижениями и действиями:

«Nicht war, Omar? Deutsche Kultur, gute Kultur, habe ich recht?» Der Türke blickte den Makler schweigend an [9, S. 31].

Адресат не уважает спрашивающего и не согласен с ним, поэтому не хочет вести пустой разговор. Кроме того, если бы он стал противоречить, то потерял бы работу. Аналогичным образом построены следующие фразы:

«Haben Sie die Stimme erkannt?» Frau Farn schwieg, wischte an einem Teller herum. Man sah ihr an, daß sie nicht sprechen wollte [8, S. 69]: «Schön», sagte Birk.— «Wieviel?» Motz lächelte [Ibid., S. 10].

Промежуточное положение между речевым и неречевым ответом занимает *нарочито неразборчивый ответ*, напр.:

«Überstunden gemacht?» fragt der Alte. Karl Mörschel knurrt nur etwas [6, S. 22].

Адресат выходит из трудного положения, пробормотав что-то невнятное. Ср.:

«Hast du eine Flugkarte bestellt, Dörti? fragte er, ohne von der Zeitung aufzublicken. «Hm», Dörti malte weiter Buchstaben in ihr Rätsel. Eine Flugkarte, hatte er gesagt, einenicht zwei. Ich richtete meinen Blick auf Dörti. «Und — ich?» Sie wich mir aus, suchte Hilfe bei meinem Vater [10, S. 60].

Наконец, за неречевой реакцией может следовать речевая:

«Wie geht es mit deinem Vater?» fragte sie. «Gar nicht. Ich bleibe nicht bei ihm». «Was sagst du da?» Tante Betty beugte sich vor und blickte mich streng an [10, S. 142].

Heilbutt fragt jetzt manchmal Pinneberg: «Wie ist es mit dir?» «Wieviel?» Und Pinneberg sieht dann fort, und wenn Heilbutt wieder fragt: «Sag schon — wieviel? Ich habe reichlich», dann sagt er schließlich verlegen: «Sechzig» [6, S. 261].

Таким образом, отказ от ответа обусловлен взаимодействием разнообразных ситуационных факторов и фоновых заданий адресанта и адресанта. Для более детального анализа этих экстралингвистических факторов представляется полезным ввести в прагматическое исследование (с соответствующей экспликацией) психологические понятия мотива и цели. Что же касается собственно языкового аспекта, то отказ от ответа оформляется в виде реплик различного типа (от краткого односоставного и неполного предложения до нескольких предложений). Ситуационные факторы могут накладывать отпечаток на лексико-синтаксическую структуру отказа: прерывистые (оборванные) предложения, стандартные ответы, клише, мнимые переспросы разных моделей и т. п.

Список литературы: 1. *Абдукадырова Т. М.* Интонация разделительных вопросительных предложений в современном немецком языке. М., 1971. 2. *Бровеев О. Т.* Вопросно-ответные диалогические единства с репликами подтверждения и отрицания в современном немецком языке. Калинин, 1979. 3. *Конрад Р.* Лингвистические аспекты формализации структур типа «вопрос — ответ». — В кн.: Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск, 1979, с. 3—19. 4. *Conrad R.* Zur pragmatischen Bedeutung von Sätzen. — In: Sprache und Übersetzung. Leipzig, 1983, S. 40—44. 5. *Binowitsch L. E., Grischin N. W.* Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. М., 1975. 6. *Fallada H.* Kleiner Mann — Was nun? В.; Weimar, 1970. 7. *Otto H.* Die Zeit der Störche. В.; Weimar, 1968. 8. *Steiniger K.* Rausch. В., 1976. 9. *Strahl R.* In Sachen Adam und Eva. В., 1970. 10. *Veken K., Kammer K., Micki Mager.* В., 1980. 11. *Wittgen T.* Das sanfte Mädchen. В., 1979.

Поступила в редколлегию 02.10.84.

*В. И. КАРАВАШКИН, канд. филол. наук,
Ю. Б. КАРПЕНКО*

ОБЪЕКТНЫЕ КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Объектная связь (ОС) в философии и логике рассматривается в качестве одной из фундаментальных связей окружающей действительности [4, 8—10, 13], в лингвистике — как грамматическая связь, выражаемая в языке различными способами [1—3, 12, 14, 15]. На материале немецкого языка лингвисты изучали ОС как на уровне простого предложения, так и сложного предложения [2, 5—7, 9, 11]. Однако на уровне сложного слова ОС учеными пока еще специально не исследовалась.

Целью данной работы является описание моделей сложных слов с ОС между компонентами и определение факторов, влияющих на функционирование объектно-композиционных моделей. В нашей выборке (2500 с. текста) зафиксировано 207 композит с имплицитно представленной ОС. Их анализ позволяет выделить три модели сложных слов объектного типа: